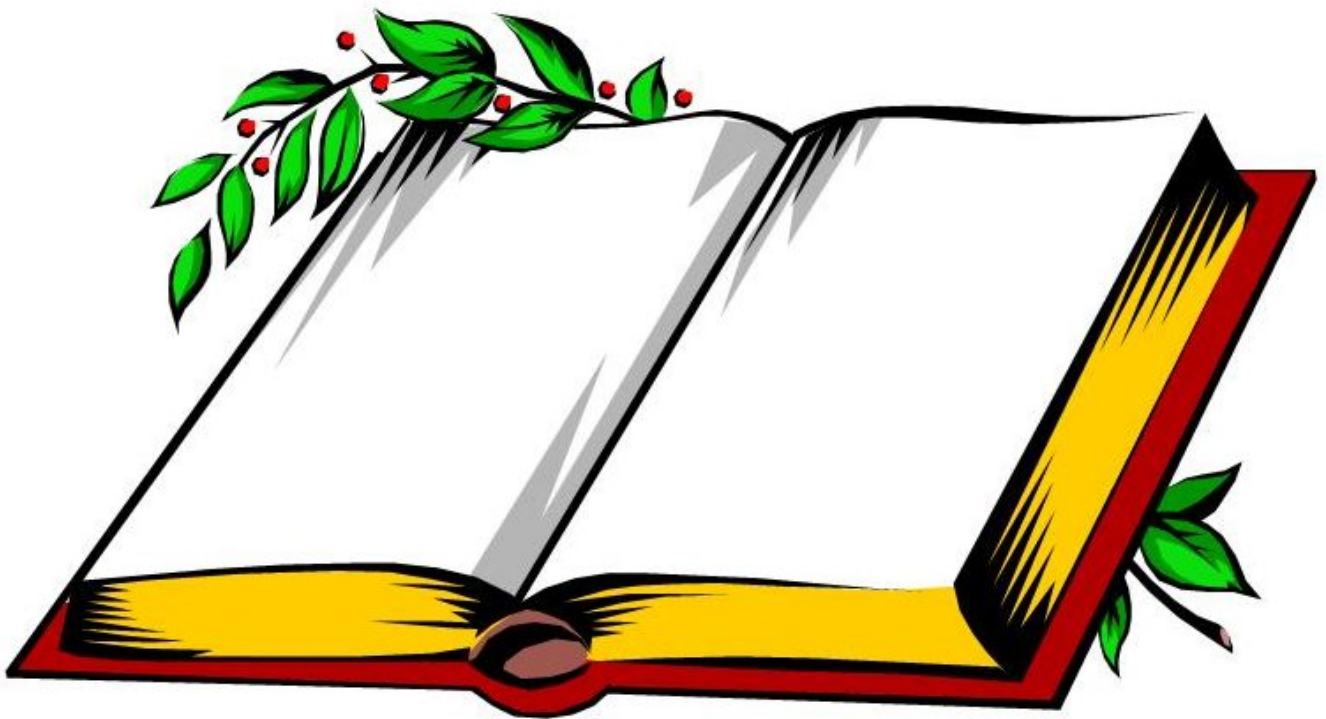

Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение
«Каменская средняя общеобразовательная школа № 1
с углублённым изучением отдельных предметов
имени Героя Советского Союза В.П.Захарченко»
Каменского муниципального района Воронежской области

«Сочинение-допуск: подсказки для успешной сдачи...»

(на материале *Д.С.Лихачёва «Письма о добром и прекрасном»*)

Составитель: Н.Г.Шафоростова

п.г.т. Каменка, 2015

Блок «Время»

Письмо одиннадцатое

ПРО КАРЬЕРИЗМ

Человек с первого дня своего рождения развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни. Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом отроком и юношей он тоже учится.

И уже приходит время применять свои знания, достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

Письмо двадцать седьмое

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным. Если вы не видите за окружающим вас миром его прошлого, он для вас пуст. Вам скучно, вам тоскливо, и вы в конечном счете одиноки, ибо и товарищи для вас – товарищи по-настоящему, когда вас связывает с ними какое-то общее прошлое: окончили ли школу, институт, либо работали вместе, а старики помнят с особенной нежностью тех, с кем воевали, пережили какие-то трудности.

Пусть дома, мимо которых мы ходим, пусть города и села, в которых мы живем, пусть даже завод, на котором мы работаем, или корабли, на которых мы плаваем, – будут для нас живыми, то есть имеющими прошлое! Жизнь – это не одномоментность существования.

Будем знать историю – историю всего, что нас окружает в большом и малом масштабах. Это ведь четвертое, очень важное измерение мира.

Но мы не только должны знать историю всего, что нас окружает, начиная с нашей семьи, продолжая селом или городом и кончая страной и миром, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего.

Обратите внимание: дети и молодые люди особенно любят обычаи, традиционные празднества. Ибо они осваивают мир, осваивают его в традиции, в истории. Будем же активнее защищать все то, что делает нашу жизнь осмысленной, богатой и одухотворенной.

Письмо тридцать восьмое

САДЫ И ПАРКИ

Взаимодействие человека с природой, с ландшафтом не всегда длится столетиями и тысячелетиями и не всегда носит «природно-бессознательный» характер. След в природе остается не только от сельского труда человека, и труд его не только формируется природой: иногда человек сознательно стремится преобразовать окружающий его ландшафт, сооружая сады и парки.

Сады и парки создают своего рода «идеальное» взаимодействие человека и природы, «идеальное» для каждого этапа человеческой истории, для каждого творца садово-паркового произведения.

И здесь мне хотелось бы сказать несколько слов об искусстве садов и парков, которое не всегда до конца понималось в своей основе его истолкователями, специалистами (теоретиками и практиками садоводства).

Садово-парковое искусство – наиболее захватывающее и наиболее воздействующее на человека из всех искусств. Такое утверждение кажется на первый взгляд странным. С ним как удто бы трудно согласиться. Почему, в самом деле, садово-парковое искусство должно быть более действенным, чем поэзия, литература в целом, философия, театр, живопись и т. д.? Но вдумайтесь беспристрастно и вспомните собственные впечатления от посещения наиболее дорогих нам всем исторических парков, пусть даже и запущенных.

Вы идете в парк, чтобы отдохнуть – без сопротивления отдаться впечатлениям, подышать чистым воздухом с его ароматом весны или осени, цветов и трав. Парк окружает вас со всех сторон. Вы и парк обращены друг к другу, парк открывает вам все новые виды: поляны, боскеты, аллеи, перспективы, – и вы, гуляя, только облегчаете парку его показ самого себя. Вас окружает тишина, и в тишине с особой остротой возникает шум весенней листвы вдаль или шуршание опавших осенних листьев под ногами или слышится пение птиц или легкий треск сучка вблизи, какие-то звуки наступают вас издали и создают особое ощущение пространства и простора. Все чувства ваши раскрыты для восприятия впечатлений, и смена этих впечатлений создает особую симфонию – красок, объемов, звучаний и даже ощущений, которые приносит вам воздух, ветер, туман, роса...

Но при чем тут человек? – спросят меня. Ведь это то, что приносит вам природа, то, что вы можете воспринять, и даже с большей силой, в лесу, в горах, на берегу моря, а не только в парке.

Нет, сады и парки – это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа. Сады и парки одинаково важны – и в городе и за пределами города. Не случайно так много чудеснейших парков в родном нашем Подмосковье. Нет ничего более захватывающего, увлекающего, волнующего, чем вносить человеческое в природу, а природу торжественно, «за руку» вводить в человеческое общество: смотрите, любуйтесь, радуйтесь.

И чем более дика природа, тем острее и глубже ее сообщество с человеком. Вот почему такое огромное впечатление производят Крымский парк в Алушке, устроившийся Воронцовым, и Выборгский парк «Мон репо» («Мое отдохновение») в типично русском имении баронов Николай. В Алушке над парком громоздятся и «показывают себя» горы, а под парком бьются о гигантские камни волны Черного моря. В парке «Мон репо» на голых красных гранитных скалах растут сосны, открываются бесконечные виды на шхеры с их плывущими в водной голубизне островами.

Но и в том и другом парке при всей грандиозности природы всюду видна разумная рука человека и уютные дворцы хозяев приветливо венчают окружающую первозданную дикость ландшафта.

Не случайно и Петр каналами подводил море к своим загородным парковым дворцам – в Новом Петергофе, Стрельне, Ораниенбауме. Каналы соединяли дворцы и парки с морем не только водой, но и воздухом – открывавшейся на море перспективой – и вводили морскую воду в окружение деревьев и любимых Петром душистых цветов.

Есть и еще одна сфера, которую человеку дарит по преимуществу парк или даже только парк. Это сфера исторического времени, сфера воспоминаний и поэтических ассоциаций.

Исторические воспоминания и поэтические ассоциации – это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и особенность. Парки ценны не только тем, что в них есть, но и тем, что в них было. Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. «Воспоминания в Царском Селе» – так назвал Пушкин лучшее из наиболее ранних своих стихотворений.

Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках. Для первого в садово-парковом искусстве важно воссоздать внешний, зрительный образ парка или сада таким, каким его видели в тот или иной момент его жизни. Для второго важно ощутить свидетельство времени, важна документальность. Первое говорит: таким он выглядел; второе свидетельствует: это тот самый, он был, может быть, не таким, но это подлинно тот, это те липы, те садовые строения, те самые скульптуры. Второе отношение терпимее к первому, чем первое ко второму. Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и насадить новые: так аллея выглядела. Второе отношение сложнее: сохранить все старые деревья, продлить им жизнь и посадить к ним на места погибших молодые. Две-три старые дуплистые липы среди сотни молодых будут свидетельствовать:

это та самая аллея – вот они, старожилы. А о молодых деревьях не надо заботиться: они растут быстро и скоро аллея приобретет прежний вид.

Но в двух отношениях к прошлому есть и еще одно существенное различие. Первое будет требовать: только одна эпоха – эпоха создания парка, или его расцвета, или чем-либо знаменательная. Второе скажет: пусть живут все эпохи, так или иначе знаменательные, ценна вся жизнь парка целиком, ценны воспоминания о различных эпохах и о различных поэтах, воспевших эти места, – и от реставрации потребует не восстановления, а сохранения. Первое отношение к паркам и садам открыл в России Александр Бенуа с его эстетским культом времени императрицы Елизаветы Петровны и ее Екатерининского парка в Царском Селе. С ним поэтически полемизировала Ахматова, для которой в Царском был важен Пушкин, а не Елизавета: «Здесь лежала его треуголка и растрепанный том Парни».

Да, вы поняли меня правильно: я на стороне второго отношения к памятникам прошлого. И не только потому, что второе отношение шире, терпимее и осторожнее, менее самоуверенно и оставляет больше природе, заставляя уважительно отступать внимательного человека, но и потому еще, что оно требует от человека большего воображения, большей творческой активности. Восприятие памятника искусства только тогда полноценно, когда оно мысленно воссоздает, творит вместе с творцом, исполнено историческими ассоциациями.

Первое отношение к прошлому создает, в общем-то, учебные пособия, учебные макеты: смотрите и знайте! Второе отношение к прошлому требует правды, аналитической способности: надо отделить возраст от объекта, надо вообразить, как тут было, надо в некоторой степени исследовать. Это второе отношение требует большей интеллектуальной дисциплины, больших знаний от самого зрителя: смотрите и воображайте. И это интеллектуальное отношение к памятникам прошлого рано или поздно возникает вновь и вновь. Нельзя убить подлинное прошлое и заменить его театрализованным, даже если театрализованные реконструкции уничтожили все документы, но место осталось: здесь, на этом месте, на этой почве, в этом географическом пункте, было – он был, оно, что-то памятное произошло. Театральность проникает и в реставрации памятников архитектуры. Подлинность теряется среди предположительно восстановленного. Реставраторы доверяют случайным свидетельствам, если эти свидетельства позволяют восстановить этот памятник архитектуры таким, каким он мог бы быть особенно интересным. Так восстановлена в Новгороде Евфимиевская часовня: получился маленький храмик на столпе. Нечто совершенно чуждое древнему Новгороду.

Сколько памятников было погублено реставраторами в XIX веке вследствие привнесения в них элементов эстетики нового времени. Реставраторы добивались симметрии там, где она была чужда самому духу стиля – романскому или готическому, – пытались заменить живую линию геометрически правильной, высчитанной математически и т. п. Так засушены и Кельнский собор, и Нотр-Дам в Париже, и аббатство Сен-Дени. Засушены, законсервированы были целые города в Германии – особенно в период идеализации немецкого прошлого.

Все это я пишу не зря. Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек – носитель прошлого и носитель национального характера. Человек – часть общества и часть его истории.

Но ни один принцип не может проводиться бездумно и механически. В пушкинских местах Псковской области – в селе Михайловском, Тригорском, Петровском – частичная театрализация необходима. Исчезнувшие дома и избы были там органическими элементами пейзажа. Без дома Осиповых-Вульф в Тригорском нет Тригорского. И восстановление этого дома, как домов в Михайловском и Петровском, не уничтожает подлинности. Рубить пришлось лишь кусты и молодые деревья, а не старые. Культура прошлого и настоящего – тоже сад и парк. Недаром «золотой век», «золотое детство» человечества – средневековый рай – всегда ассоциировались с садом. Сад – это идеальная культура, культура, в которой облагороженная природа идеально слита с добрым в ней человеком.

Не случайно Достоевский мечтал превратить самые значные места Петербурга в сад: соединить Юсуповский сад на Садовой улице с Михайловским у Михайловского замка, где он учился, засадить Марсово поле и соединить его с Летним садом, протянуть полосу садов через самый бойкий торговый центр и там, где жили старуха-процентщица и Родион Раскольников, создать своего рода рай на земле. Для Достоевского было два полюса на земле – Петербург у Сенной и природа в духе пейзажей французского художника XVII века Клода Лоррена, изображающих золотой век, – Лоррена, которого он очень любил за райскую идеальность изображаемой жизни. Заметили ли вы, что самый светлый эпизод «Идиота» Достоевского – свидание князя Мышкина и Аглаи – совершается в Павловском парке

утром? Это свидание нигде в ином месте и не могло произойти. Именно для этого свидания нужен Достоевскому Павловск. Вся эта сцена как бы вплетена в приветливый пейзаж Павловска. Самый счастливый момент в жизни Обломова – его объяснение в любви – также совершается в саду.

В «Капитанской дочке» у Пушкина радостное завершение хлопот Маши Мироновой также происходит именно в «лорреновской» части Екатерининского парка. Именно там, а не в дворцовых помещениях оно только и могло совершиться.

Блок «Путь»

Письмо шестое

ЦЕЛЬ И САМООЦЕНКА

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то Цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке – низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть?

Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка роковая – неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина – опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает в сумме гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброду делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, – явление ненормальное и мне лично неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение в себе своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно «лучше других». И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи – это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где это не нужно. Когда это понадобится – другое дело. Там посмотрим, кто и к чему способен.

Письмо двадцать девятое

ПУТЕШЕСТВУЙТЕ!

Одна из самых больших ценностей жизни – поездки по своей стране и по чужим странам. При этом остерегайтесь делить поездки на интересные и неинтересные, а места, которые посетили, на значительные и незначительные. Даже степени значительности посещенных вами мест старайтесь не устанавливать. Делите поездки на те, к которым вы подготовились, и те, к которым не подготовились или подготовились плохо. Любой город, любая страна, любое место, к поездке в которые вы не подготовились, – неинтересны и скучны. И наоборот, если вы знаете историю места, оно становится в десять раз интереснее.

Что значит подготовиться к поездке в незнакомый город – город, в котором вы еще не бывали? Это значит – изучить его историю, знать его планировку, хотя бы по туристическим схемам, отметить на карте заранее все места, которые нужно посетить, и примерные маршруты, чтобы не терять времени.

Не упускайте случая находить интересное даже там, где вам кажется неинтересно. На земле нет неинтересных мест: есть только неинтересующиеся люди, люди, не умеющие находить интересное, внутренне скучные.

Мне всегда неприятны люди, которые, посещая новые для них места, со скучающим видом говорят своим спутникам: «А вот я был в Париже... так там...» Надо уметь погружаться в атмосферу того места, куда вас забросила судьба, и всюду уметь находить свое, собственное, характерное. Умение это, конечно, дается не одним абстрактным желанием, но и знаниями. И особенно важны знания, приобретенные еще до поездки.

Всегда интересны впечатления художников. Читайте записки и воспоминания художников об их поездках. Не знаю почему, но все художники удивительно хорошо пишут. Чудесные писатели – Коровин, Бенуа, Добужинский, Грабарь...

Как они умели смотреть и видеть, а затем запечатлеть увиденное не только в живописи, но и в своих записках!

М. В. Добужинский пишет в своих воспоминаниях, какое огромное впечатление на него в молодости произвели Мюнхен, Венеция и Париж, впервые им посещенные. В Россию ему пришлось вернуться внезапно (за границей неожиданно умер маленький сын Добужинских, которого они решили похоронить в родном Вильнюсе). И вот после Мюнхена, Парижа и Венеции он оказывается среди маленьких литовских кладбищ. И вот что он пишет: «Мы с женой часто ездили в коляске по шоссе или через лес в сторону Немана или вдоль полей, и я видел снова печальный и милый литовский пейзаж: песчаные поля, и, как зеленые оазисы, среди них романтические кладбища со щетиной высоких крестов и сосен, и серое осеннее небо, с медленно летящей одинокой вороной.

Эти кладбища, резные литовские кресты, леса на горизонте и бедное местечко Олиту, где стоял красный старый деревянный костел, я знал и любил еще до Мюнхена, но теперь – после всего, что я видел за границей, этот уголок показался мне своеобразным чрезвычайно.

Мы побывали в Вильно – и снова мой любимый город меня очаровал. И в будущем Вильно с его восхитительным, изящным барокко-после каждого моего путешествия за границу, когда проездом в Петербург я туда заезжал, – всегда выдерживал экзамен в сравнении».

Вот это настоящий результат по-настоящему интеллигентного человека от его поездок и путешествий: для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат.

И второе: поездки воспитывают оседлость, оседлость нравственную, любовь к родному.

Когда доведется бывать в новом городе, смотреть знаменитые произведения искусства или знаменитые пейзажи, не поддавайтесь тому, что о них слышали, читали, о чем вам «прожужжали уши». Многое из того, что вы прочитали, поможет понять красоту и ценность увиденного, но может отчасти и помешать собственному, индивидуально вашему впечатлению. Цените свое, но цените искренне и не старайтесь противоречить общему мнению во что бы то ни стало (такое тоже часто встречается у обостренно самолюбивых людей).

Приведу пример из собственных впечатлений (хотите примите эти впечатления, хотите – нет). Я старый петербуржец-ленинградец. Я родился в Петербурге, и там же родились мои родители, прадеды. С XVIII века предки мои жили в Петербурге.

Мне с детства постоянно внушали, как красива Нева. Как торжествен центр Невы, как торжествен на Неве ход ладожского льда, какую пышность придает городу игла Петропавловской крепости, как красив традиционный полуденный, ровно в 12 часов, выстрел из пушки Петропавловской крепости. Что центр Невы в самом ее широком месте красив – спору нет. Но почему-то этот центр навевает на меня тоску. Это одно из самых печальных и тоскливых мест, которые я видел в своем городе, особенно когда от Зимней канавки смотришь на Петропавловскую крепость. Сердце сжимается тоской... Может быть, я с детства слышал об узниках крепости и особенное впечатление на меня произвела в детстве ужасная легенда о княжне Таракановой, затопленной в своей камере ворвавшимся наводнением? Не знаю. И красивейший в мире весенний ледоход так ассоциируется во мне с темой бренности всего существующего.

А как хороши в Ленинграде более интимные места – особенно каналы! Что может быть красивее удивительных уголков, открывающихся, когда гуляешь по Мойке (например, у последней квартиры Пушкина), по каналу Грибоедова (особенно у мостика с грифонами), по Крюкову каналу (вспомните о колокольне, построенной Чевакинским у «Николы Морского»), по Фонтанке. Одно из красивейших мест в Ленинграде – Новая Голландия и особенно ворота в ней Деламота (хочется сказать «врата»), впускающие в себя канал, по которому подвозили товары на склады. Я особенно люблю канал Грибоедова, где в строгой планировке улиц он делает извив, напоминающий латинскую букву «S»: посмотришь вперед – канал с чудесным мостом через него. Посмотришь назад – опять тот же канал. Канал вносит оживление и беспорядок в казенный порядок улиц, и не случайно Достоевский сделал эти улицы местом действия своего романа «Преступление и наказание». Рассуждения Раскольникова мнимо упорядочивают жизнь, а она на самом деле течет по своим законам. Вода в канале течет, как течет жизнь. Канал, или «канавка», как ее называет Достоевский, «размыл» строгую и жестоко казенную планировку улиц. Пройдите из конца в конец канал Грибоедова, Мойку, канал Пруштейна... А в Москве пройдите весь старый Арбат, Сивцев Вражек, улицу Кропоткина.

Город наводит на размышления. На размышления наводит Орел – в той его части, где происходило действие «Дворянского гнезда» Тургенева, или река Орлик, на которой жил герой прекрасного произведения Н. С. Лескова – «Несмертельный Голован». А замечательнейшие бульвары по берегам волжских городов – Ульяновска, Ярославля, Костромы, Горького... Разве не заставляют они нас думать вместе с Островским, Горьким, Гончаровым?

Путешествия многое нам открывают, о многом заставляют думать, мечтать.

Письмо сорок шестое

ПУТЯМИ ДОБРОТЫ

Вот и последнее письмо. Писем могло бы быть и больше, но пора подвести итоги. Мне жаль прекращать писать. Читатель заметил, как постепенно усложнялись темы писем. Мы шли с читателем, поднимаясь по лестнице. Иначе и быть не могло: зачем тогда и писать, если оставаться на том же уровне, не восходя постепенно по ступеням опыта – опыта нравственного и эстетического. Жизнь требует усложнений.

Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт – я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам. Мы поднимались с читателем вместе по ступеням опыта, не моего только опыта, но опыта многих людей. Писать письма мне помогали сами читатели – они со мной беседовали неслышно.

Что же самое главное в жизни? Главное может быть в оттенках у каждого свое собственное, неповторимое. Но все же главное должно быть у каждого человека. Жизнь не должна рассыпаться на мелочи, растворяться в каждодневных заботах.

И еще, самое существенное: главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным.

Человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни – оглядывая прошлое и заглядывая в будущее.

Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сэкономят то, чему служил, чему отдавал силы.

Заметил ли читатель, что все дурное и мелкое в жизни быстро забывается. Еще людьми владеет досада на дурного и эгоистичного человека, на сделанное им плохое, но самого человека уже не помнят, он стерт в памяти. Люди, ни о ком не заботящиеся, как бы выпадают из памяти.

люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают. Гораздо реже и, разумеется, с недобрим чувством говорят о злых.

В жизни надо иметь свое служение – служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен.

В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта – самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью.

Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. Это «неразменный рубль».

Знать это, помнить об этом всегда и следовать путями доброты – очень и очень важно. Поверьте мне!

Блок «Год литературы»

Письмо двадцать второе

ЛЮБИТЕ ЧИТАТЬ!

Каждый человек обязан (я подчеркиваю – обязан) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Основной (но, разумеется, не единственный) способ своего интеллектуального развития – чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время – величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по программе, разумеется не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читающего интересы. Однако при всех отступлениях от первоначальной программы необходимо составить для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы.

Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания.

Составлять для себя программы чтения не так уж просто, и это нужно делать, советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа.

Опасность чтения – это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного вида скоростным методам чтения.

«Скоростное чтение» создает видимость знаний. Его можно допускать лишь в некоторых видах профессий, остерегаясь создания в себе привычки к скоростному чтению, оно ведет к заболеванию внимания.

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке, например на отдыхе или при какой-нибудь не очень сложной и не отвлекающей внимания болезни?

Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится – вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно – читайте еще раз, в третий раз. У

человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим. «Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках – то они рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», несколько рассказов Мопассана, былину о Соловье Будимировиче, другую былину о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злосчасти, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы – все, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам. «Незаинтересованное», но интересное чтение – вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все – она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует – как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: смотрите с выбором. Тратьте свое время на то, что достойно этой траты. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?

Классическое произведение – то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, – свое время.

Письмо двадцать третье

О ЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ

Сегодня личные библиотеки в очень многих домах. Существует даже такое явление – книжный бум. Книжный бум – это же прекрасно! Ведь книжный же бум, а не какой-нибудь другой. И то, что люди интересуются книгами, покупают, стоят в очереди за книгами, – это же хорошо, это говорит о каком-то культурном подъеме нашего общества. Но мне могут сказать, что вот книги попадают не тем, кому они нужны. Иногда служат украшением; приобретаются из-за красивых переплетов и т. д. Но и это не так страшно. Книга всегда найдет того, кому она нужна. Например, покупает книгу человек, который украшает ими свою столовую. Но ведь у него могут быть и сын, и племянники. Мы помним, как начинали люди интересоваться литературой – через библиотеки, которые они находили у своего отца или у своих родственников. Так что книга когда-нибудь найдет своего читателя. Она может быть продана, и это тоже неплохо, будет какой-то запас книг, потом она опять найдет своего читателя.

Что касается личной библиотеки, то думаю, к этому вопросу надо подходить очень ответственно. Не только потому, что личную библиотеку считают визитной карточкой хозяина, а потому, что она иной раз становится престижным моментом. Если человек покупает книги только для престижа, то

напрасно это делает. В первой же беседе он выдаст себя. Станет ясным, что сам он книг не читал, а если и читал, то не понял.

Свою библиотеку не надо делать слишком большой, не надо заполнять ее книгами «одноразового чтения». Такие книги надо брать в библиотеке. Дома должны быть книги повторного чтения, классики (и притом любимые), а больше всего справочники, словари, библиография. Они могут иногда заменить целую библиотеку. Обязательно ведите собственную библиографию и на карточках этой библиографии отмечайте, что в этой книге кажется вам важным и нужным.

Повторяю. Если книга вам нужна для однократного чтения, ее приобретать не следует. И искусство составления личных библиотек состоит в том, чтобы воздерживаться от приобретения таких книг.

Письмо сорок четвертое

ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА И ФИЛОЛОГИИ

До сих пор я говорил о красоте природы, красоте городов и сел, садов и парков, о красоте зримых памятников искусства. Но искусство слова – самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта, задачу этого письма не входит рассмотрение того, что такое филология. Это нельзя сделать ни простым определением, ни коротким описанием. Перевести это греческое по происхождению слово можно так – «любовь к слову». Но в действительности филология – шире. В разное время под филологией понимались разные области культуры: именно культуры, а не только науки. Поэтому ответ на вопрос о том, что такое филология может быть дан только путем детального, кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше).

Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь.

Существует представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются. Кажется поэтому, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение, – дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это глубокое заблуждение. Количество наук действительно возрастает, но появление новых идет не только за счет их дифференциации и «специализации», но и за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин, с соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит «математизация» многих наук. И замечательно: продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между «традиционными» науками.

Роль филологии именно связующая, а поэтому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения – наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. п.

Приведу примеры того, как важно филологическое понимание значения слов. Новое значение возникает из сочетания слов, а иногда и из их простого повторения. Вот несколько строк из стихотворения «В гостях» хорошего советского поэта, и притом простого, доступного – Н. Рубцова:

И все торчит.

В дверях торчит сосед,

Торчат за ним разбуженные тетки,

Торчат слова,

Торчит бутылка водки,

Торчит в окне бессмысленный рассвет!

Опять стекло оконное в дожде,

Опять туманом тянет и ознобом...

Если бы не было в этой строфе двух последних строк, то и повторения «торчит», «торчат» не были полны смысла. Но объяснить эту магию слов может только филолог...

Дело в том, что литература – это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов, а только они рождают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в скульптуре преодолеваются обычные словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях русского языка.

Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе. И филология толкует не только значения слов, а и художественное значение всего текста.

Совершенно ясно, что нельзя заниматься литературой, не будучи хоть немного лингвистом, нельзя быть текстологом, не вдаваясь в потаенный смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста.

Слова в поэзии означают больше, чем они называют, «знаками» чего они являются. Эти слова всегда наличествуют в поэзии – тогда ли, когда они входят в метафору, в символ или сами ими являются, тогда ли, когда они связаны с реалиями, требующими от читателей некоторых знаний, тогда ли, когда они сопряжены с историческими ассоциациями.

Исследователь творчества поэта О. Мандельштама приводит следующий пример из его стихотворения о театре Расина:

...Я не услышу обращенный к рампе
Двойною рифмой оперенный стих... —

и пишет по поводу этих двух строк: «Для правильной работы ассоциаций читатель здесь должен знать о парной рифмовке александрийского стиха, о том, что актеры классического театра произносили свои монологи, обращаясь не к партнеру, а к публике, в зал („к рампе“)».

Для большинства современных читателей и даже поклонников поэзии О. Мандельштама эти две строчки из его поэзии оставались бы совершенно непонятными, если бы на помощь ему не приходил филолог – именно филолог, ибо сообщить читателю одновременно сведения об александрийском стихе и о манере актерской игры на классической сцене может только филолог. Филология – это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук.

Можно было бы на десятках примеров показать, как страдает историческое источниковедение тогда, когда историки превратно толкуют тексты, обнаруживают не только свое незнание истории языка, но и истории культуры. Следовательно, филология нужна и им.

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура.

Чем шире круг эпох, круг национальных культур, которые входят ныне в сферу образованности, тем нужнее филология. Когда-то филология была ограничена главным образом знанием классической древности, теперь она охватывает все страны и все времена. Тем нужнее она сейчас, тем она «труднее», и тем реже можно найти сейчас настоящего филолога. Однако каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом. Этого требует культура.

Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве времени», а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые (если «старые» действительно настоящие), а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня. Поэтому ноша культурных ценностей – ноша особого рода. Она не утяжеляет наш шаг вперед, а облегчает. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур – культур, удаленных от нас во времени и в пространстве древних и других стран. Каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой» – своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с

познанием чужого. Преодоление всяческих расстояний – это не только задача современной техники и точных наук, но и задача филологии в широком смысле этого слова. При этом филология в равной степени преодолевает расстояние в пространстве (изучая словесную культуру прошлого). Филология сближает человечество – современное нам и прошлое. Она сближает человечество и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий; не путем уничтожения индивидуальности культур, а на основе выявления этих различий, их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология – наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» – любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам.

Вы можете спросить меня: что же, я призываю всех быть филологами, стать всем специалистами в области гуманитарных наук? Быть специалистами, профессионалами-гуманитариями я не призываю. Разумеется, нужны все профессии, и эти профессии должны быть равномерно и целесообразно распределены в обществе. Но... каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. Читайте художественную литературу и понимайте ее, читайте книги по истории и любите прошлое человечества, читайте литературу путешествий, мемуары, читайте литературу по искусству, посещайте музеи, путешествуйте со смыслом и будьте душевно богаты. Да, будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее.

Блок «Дом»

Письмо тридцать седьмое

АНСАМБЛИ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА

Каждая страна – это ансамбль искусств. Грандиозным ансамблем культур или памятников культуры является и Советский Союз. Города в Советском Союзе, сколь бы они ни были различны, не обособлены друг от друга. Москва и Ленинград не просто не похожи друг на друга – они контрастируют друг другу и, следовательно, взаимодействуют. Не случайно они связаны железной дорогой столь прямой, что, проехав в поезде ночь без поворотов и только с одной остановкой и попадая на вокзал в Москве или Ленинграде, вы видите почти то же вокзальное здание, которое вас провожало вечером; фасады Московского вокзала в Ленинграде и Ленинградского в Москве одинаковые. Но одинаковость вокзалов подчеркивает резкое несходство городов, несходство не простое, а дополняющее друг друга. Даже предметы искусства в музеях не просто хранятся, а составляют некоторые культурные ансамбли, связанные с историей городов и страны в целом. Состав музеев далеко не случаен, хотя в истории их собраний и немало отдельных случайностей. Недаром, например, в музеях Ленинграда так много голландской живописи (это Петр I), а также французской (это петербургское дворянство XVIII и начала XIX века).

А посмотрите в других городах. В Новгороде стоит посмотреть иконы. Это третий по величине и ценности центр древнерусской живописи.

В Костроме, Горьком и Ярославле следует смотреть русскую живопись XVIII и XIX веков (это центры русской дворянской культуры), а в Ярославле еще и «волжскую» XVII века, которая представлена здесь так, как нигде.

Но если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразию городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом – драгоценность. Одни дома и целые города дороги своей деревянной резьбой (Томск, Вологда), другие – удивительной планировкой, набережными бульварами (Кострома, Ярославль), третьи – каменными особняками, четвертые – затейливыми церквями.

Но многое их объединяет. Одна из самых типичных черт русских городов – их расположение на высоком берегу реки. Город виден издали и как бы втянут в движение реки: Великий Устюг, волжские города, города по Оке. Есть такие города и на Украине: Киев, Новгород-Северский, Путивль.

Это традиции Древней Руси – Руси, от которой пошла Россия, Украина, Белоруссия, а потом и Сибирь с Тобольском и Красноярском...

Город на высоком берегу в вечном движении. Он «проплывает» мимо реки. И это тоже присущее Руси ощущение родных просторов.

В стране существует единство народа, природы и культуры.

Сохранить разнообразие наших городов и сел, сохранить в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие – одна из важнейших задач наших градостроителей. Вся страна – это грандиозный культурный ансамбль. Он должен быть сохранен в своем поразительном богатстве. Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе – воспитывает человека его страна в ее целом. Сейчас люди живут не только в своем «пункте», но во всей стране и не своим веком только, но всеми столетиями своей истории.

Письмо сорок пятое

КОСМИЧЕСКИЙ ЭРМИТАЖ

Когда-то, примерно десятка два лет назад, мне пришел в голову такой образ: Земля – наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве. Потом я обнаружил, что этот образ одновременно со мной пришел самостоятельно в голову десяткам публицистов. Он настолько очевиден, что уже рождается избитым, шаблонным, хотя от этого и не теряет в своей силе и убедительности.

Дом наш! Но ведь Земля – дом миллиардов и миллиардов людей, живших до нас! Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев (ах, если бы примерно сосчитать, сколько было на земле только одних всеми признанных гениев!). И не только произведений гениев! Сколько обычаев, милых традиций. Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей. Земля вся засыпана бриллиантами, а под ними сколько алмазов, которые еще ждут, что их огранят, сделают бриллиантами. Это нечто невообразимое по ценности.

И самое главное: второй другой жизни во Вселенной нет! Это можно легко доказать математически. Нужно было сойтись миллионам условий, чтобы создать человеческую культуру, что там перед этой невероятной ценностью все наши национальные амбиции, ссоры, мести личные и государственные («ответные акции»)!

Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве!

Блок «Любовь»

Письмо третье

САМОЕ БОЛЬШОЕ

А в чем самая большая цель жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас. А добро – это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном думать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое, как я уже говорил, начинается с мелочей, зарождается в детстве и в близком.

Ребенок любит свою мать и своего отца, братьев и сестер, свою семью, свой дом. Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, село, город, всю свою страну. А это уже совсем большое и глубокое чувство, хотя и на этом нельзя останавливаться и надо любить в человеке человека.

Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим.

Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов.

Это как круги на воде. Но круги на воде, расширяясь, становятся все слабее. Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, мудрее.

Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной. Это значит, что она должна быть соединена с умением замечать недостатки, бороться с недостатками – как в любимом человеке, так и в окружающих людях. Она должна быть соединена с мудростью, с умением отделять необходимое от пустого и ложного. Она не должна быть слепой. Слепой восторг (его даже не назовешь любовью) может привести к ужасным последствиям. Мать, всем восторгающаяся и поощряющая во всем своего ребенка, может воспитать нравственного уродца. Слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего» – слова шовинистической немецкой песни) привел к нацизму, слепой восторг перед Италией – к фашизму.

Мудрость – это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты – хитрость. Хитрость же постепенно чахнет и непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца. Поэтому хитрость вынуждена скрываться. Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долготейшее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости.

Как выразить то общее, что есть между моими тремя положениями: «Большое в малом», «Молодость – всегда» и «Самое большое»? Его можно выразить одним словом, которое может стать девизом: «Верность». Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и в узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране, народу. В конечном счете верность есть верность правде – правде-истине и правде-справедливости.

Письмо тридцать четвертое

О РУССКОЙ ПРИРОДЕ

У природы есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) – состояние природы противоестественное. В чем же выражается культура природы? Будем говорить о живой природе. Прежде всего, она живет обществом, сообществом. Существуют «растительные ассоциации»: деревья живут не вперемешку, а известные породы совмещаются с другими, но далеко не со всеми. Сосны, например, имеют соседями определенные лишайники, мхи, грибы, кусты и т. д. Это знает каждый грибник. Известные правила поведения свойственны не только животным (с этим знакомы все собаководы, кошатники, даже живущие вне природы, в городе), но и растениям. Деревья тянутся к солнцу по-разному – иногда шапками, чтобы не мешать друг другу, а иногда раскидисто, чтобы прикрывать и беречь другую породу деревьев, начинающую подрастать под их покровом. Под покровом ольхи растет сосна. Сосна вырастает, и тогда отмирает сделавшая свое дело ольха. Я наблюдал этот многолетний процесс под Ленинградом, в Токсове, где во время первой мировой войны были вырублены все сосны и сосновые леса сменились зарослями ольхи, которая затем прилежала под своими ветвями молоденькие сосенки. Теперь там снова сосны. Природа по-своему «социальна». «Социальность» ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек... Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. Он пахал землю и тем задавал ей определенные габариты. Он клал меру своей пашне, проходя по ней с плугом. Рубежи в русской природе соразмерны труду человека и его лошади, его способности пройти с лошадью за сохой или плугом, прежде чем повернуть назад, а потом снова вперед. Приглаживая

землю, человек убирал в ней все резкие грани, бугры, камни. Русская природа мягкая, она ухожена крестьянином по-своему. Хождения крестьянина за плугом, сохой, бороной не только создавали «полосыньки» ржи, но ровняли границы леса, формировали его опушки, создавали плавные переходы от леса к полю, от поля к реке. Поэзия преобразования природы трудом пахаря хорошо передана А. Кольцовым в «Песне пахаря», начинающейся понуканием сивки:

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Русский пейзаж в основном создавался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчавшего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно приносил в нее человек. Ландшафт создавался, с одной стороны, природой, готовой освоить и прикрыть все, что так или иначе нарушил человек, и с другой – человеком, смягчившим землю своим трудом и смягчавшим пейзаж. Обе культуры как бы поправляли друг друга и создавали ее человечность и приволье.

Природа Восточно-Европейской равнины кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть «путями сообщения», и с небом, не заслоненным густыми лесами, с покатыми холмами и бесконечными, плавно обтекающими все возвышенности дорогами.

И с какою тщательностью гладил человек холмы, спуски и подъемы! Здесь опыт пахаря создавал эстетику параллельных линий – линий, идущих в унисон друг с другом и с природой, точно голоса в древнерусских песнопениях. Пахарь укладывал борозду к борозде – как причесывал, как укладывал волосок к волоску. Так кладется в избе бревно к бревну, плаха к плахе, в изгороди – жердь к жерди, а сами выстраиваются в ритмичный ряд над рекой или вдоль дороги – как стадо, вышедшее на водопой.

Поэтому отношения природы и человека – это отношения двух культур, каждая из которых по-своему «социальна», общежительна, обладает своими «правилами поведения». И их

встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры – плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна (с тех пор как существует человечество), а развитие природы с ее много-миллионнолетним существованием – сравнительно недавно и не всюду под воздействием человеческой культуры. Одна (культура природы) может существовать без другой (человеческой), а другая (человеческая) не может. Но все же в течение многих минувших веков между природой и человеком существовало равновесие. Казалось бы, оно должно было оставлять обе части равными, проходить где-то посередине. Но нет, равновесие всюду свое и всюду на какой-то своей, особой основе, со своей осью. На севере в России было больше «природы», а чем дальше на юг и ближе к степи, тем больше «человека».

Тот, кто бывал в Кижях, видел, вероятно, как вдоль всего острова тянется, точно хребет гигантского животного, каменная гряда. Около этого хребта бежит дорога. Хребет образовывался столетиями. Крестьяне освобождали свои поля от камней – валунов и булыжников – и сваливали их здесь, у дороги. Образовался ухоженный рельеф большого острова. Весь дух этого рельефа пронизан ощущением многовековья. И недаром жила здесь из поколения в поколение семья сказителей Рябининых, от которых записано множество былин.

Пейзаж России на всем ее богатырском пространстве как бы пульсирует, он то разряжается и становится более природным, то сгущается в деревнях, погостах и городах, становится более человеческим.

В деревне и в городе продолжается тот же ритм параллельных линий, который начинается с пашни. Борозда к борозде, бревно к бревну, улица к улице. Крупные ритмические деления сочетаются с мелкими, дробными. Одно плавно переходит к другому.

Старый русский город не противостоит природе. Он идет к природе через пригород. «Пригород» – это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород – при городе, но он и при природе. Пригород – это деревня с деревьями, с деревянными полудеревенскими домами. Сотни лет назад он прильнул огородами и садами к стенам города, к валу и рву, он прильнул и к окружающим полям и лесам, отобрав от них немного деревьев, немного огородов, немного воды в свои пруды и колодцы. И все это в приливах и отливах скрытых и явных ритмов – грядок, улиц, домов, бревнышек, плах мостовых и мостиков.

Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля – это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее.

Вспомните у Кольцова:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

У Кольцова тот же восторг перед огромностью приволья.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека – это лишать его пространства в прямом и переносном смысле этого слова.

Воля вольная! Ощущали эту волю даже бурлаки, которые шли по бечеве, упряженные в лямку, как лошади, а иногда и вместе с лошадьми. Шли по бечеве, узкой прибрежной тропе, а кругом была для них воля. Труд подневольный, а природа кругом вольная. И природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором. Поэтому так любимо в народной песне полюшко-поле. Воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны – как вздумается. Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях, особенно разбойничьих, которые, впрочем, создавались и пелись вовсе не разбойниками, а тоскующими по вольной волюшке и лучшей доле крестьянами. В этих разбойничьих песнях крестьянин мечтал о беспечности и отплате своим обидчикам.

Русское понятие храбрости – это удаль, а удаль – это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте. Слово «удаль» очень трудно переводится на иностранные языки. Храбрость неподвижная еще в первой половине XIX века была непонятна. Грибоедов смеется над Скалозубом, вкладывая в его уста такой ответ на вопрос Фамусова, за что у него «в петличке орденок»: «За третье августа; засели мы в траншею: Ему дан с бантом, мне на шею». Смешно, как это можно «засесть», да еще в «траншею», где уж вовсе не пошевелинешься, и получить за это боевую награду?

Да и в корне слова «подвиг» тоже «застряло» движение: «подвиг», то есть то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное.

Помню в детстве русскую пляску на волжском пароходе компании «Кавказ и Меркурий». Плясал грузчик (звали их крючниками). Он плясал, выкидывая в разные стороны руки, ноги, и в азарте сорвал с головы шапку, далеко кинув ее в столпившихся зрителей, и кричал: «Порвусь! Порвусь! Ой, порвусь!» Он стремился занять своим телом как можно больше места.

Русская лирическая протяжная песнь – в ней также есть тоска по простору. И поется она лучше всего вне дома, на воле, в поле.

Колокольный звон должен был быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольню новый колокол, нарочно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно.

Быстрая езда – это тоже стремление к простору.

Но то же особое отношение к простору и пространству видно и в былинах. Микула Селянинович идет за плугом из конца в конец поля. Вольге приходится его три дня нагонять на молодых бухарских жеребчиках.

Услыхали они в чистом поли пахаря,

Пахаря-пахарюшка.

Они по день ехали в чистом поли,

Пахаря не наехали,

И по другой день ехали с утра до вечера.

Пахаря не наехали,

И по третий день ехали с утра до вечера,

Пахаря и наехали.

Ощущение пространства есть и в зачинах к былинам, описывающих русскую природу, есть и в желаниях богатырей, Вольги например:

Похотелось Вольгй-то много мудрости:

Щукой-рыбою ходить Вольгй во синих мрях,

Птицею-соколом летать Вольгй под облака,

Волком и рыскать во чистых полях.

Или в зачине былины «Про Соловья Будимировича»:

«Высота ли, высота поднебесная,

Глубота, глубота акиян-море,

Широко раздолье по всей земли,

Глубоки омуты Днепровския...

Даже описание теремов, которые строит «дружина хоробрая» Соловья Будимировича в саду у Забавы Путятичны, содержит этот же восторг перед огромностью природы.

Хорошо в теремах изукрашено:

На небе солнце – в тереме солнце;

На небе месяц – в тереме месяц;

На небе звезды – в тереме звезды;

На небе заря – в тереме заря

И вся красота поднебесная.

Восторг перед просторами присутствует уже и в древней русской литературе – в Начальной летописи, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли», в «Житии Александра Невского», да почти в каждом произведении древнейшего периода XI-XIII веков. Всюду события либо охватывают огромные пространства, как в «Слове о полку Игореве», либо происходят среди огромных пространств с откликами в далеких странах, как в «Житии Александра Невского». Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека.

Письмо сорок первое

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Мы заботимся о своем здоровье и здоровье других, следим за правильным питанием, за тем, чтобы воздух и вода оставались чистыми, незагрязненными. Загрязнение среды делает человека больным, угрожает его жизни, грозит гибелью всему человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством, отдельными странами, учеными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы сохранить животный мир нашей планеты, спасти становища перелетных птиц, лежбища морских животных. Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранять также ту окружающую нас природу, которая дает человеку возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила окружающей природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. И экология начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экология не должна замыкаться только задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

За примерами ходить недалеко. После войны в Ленинград вернулось не более 20 процентов его довоенного населения, а тем не менее вновь приехавшие в Ленинград быстро приобрели те четкие «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся ленинградцы. Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое. Прошлое открывает ему окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота – триумфальные ворота. Жить там, где жили поэты и прозаики великой русской литературы, жить там, где жили великие критики и философы, ежедневно впитывать впечатления, которые так или иначе получили отражение в великих произведениях русской литературы, посещать квартиры-музеи-значит, постепенно обогащаться духовно.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности – нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего, которым прошлое будет не менее важно, чем нам, а может быть, с общим подъемом культуры и умножением духовных запросов, даже и важнее. Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем...

Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, свое село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной оседлости человека. Человек – это не степное растение перекаати-поле, которое осенний ветер гонит по степи.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Да и нет между ними пропасти. Где точная граница между природой и культурой? Разве нет в среднерусской природе присутствия человеческого труда?

Не здание даже нужно человеку, а здание в определенном месте. Поэтому и хранить их, памятник и ландшафт, нужно вместе, а не раздельно. Хранить строение в ландшафте, чтобы то и другое хранить в душе. Человек существо нравственно оседлое, даже если он был кочевником: ведь и кочевал он по определенным местам. Для кочевника тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек – не оседлый и способен убивать оседлость в других.

Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико – оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных и пр. Конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. Удалось же восстановить зубров и на Кавказе, и в Беловежской пуще, даже поселить их в Бескидах, то есть там даже, где их раньше и не было. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне: пожарами, или вырубками, или ядовитой пылью, газами, сточными водами...

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно незащищен, он не восстановит самого себя.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве, но нельзя восстановить здание как «документ», как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности. Это будет только «видимость». От умерших остаются только портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных

обстоятельствах «новоделы» имеют смысл, и со временем они сами становятся «документами» эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старое Место или улица Новый Свет в Варшаве навсегда останутся документами патриотизма польского народа в послевоенные годы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что на земле, уже служившее людям. Даже сами реставраторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Уничтожают памятники и градостроители, особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний.

На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, а потому и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей.

Градостроителям, как никому больше, нужны знания в области экологии культуры. Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на основе его решать местные экологические проблемы. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции краеведение переживало бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах.

Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и «это их дело», не наше. Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми – именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

Письмо сорок шестое

ПУТЯМИ ДОБРОТЫ

Вот и последнее письмо. Писем могло бы быть и больше, но пора подвести итоги. Мне жаль прекращать писать. Читатель заметил, как постепенно усложнялись темы писем. Мы шли с читателем, поднимаясь по лестнице. Иначе и быть не могло: зачем тогда и писать, если оставаться на том же уровне, не восходя постепенно по ступеням опыта – опыта нравственного и эстетического. Жизнь требует усложнений.

Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт – я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам. Мы поднимались с читателем вместе по ступеням опыта, не моего только опыта, но опыта многих людей. Писать письма мне помогали сами читатели – они со мной беседовали неслышно.

Что же самое главное в жизни? Главное может быть в оттенках у каждого свое собственное, неповторимое. Но все же главное должно быть у каждого человека. Жизнь не должна рассыпаться на мелочи, растворяться в каждодневных заботах.

И еще, самое существенное: главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным.

Человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни – оглядывать прошлое и заглядывать в будущее.

Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сэкономят то, чему служил, чему отдавал силы.

Заметил ли читатель, что все дурное и мелкое в жизни быстро забывается. Еще людьми владеет досада на дурного и эгоистичного человека, на сделанное им плохое, но самого человека уже не помнят, он стерт в памяти. Люди, ни о ком не заботящиеся, как бы выпадают из памяти.

люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают. Гораздо реже и, разумеется, с недобрым чувством говорят о злых.

В жизни надо иметь свое служение – служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен.

В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта – самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью.

Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. Это «неразменный рубль».

Знать это, помнить об этом всегда и следовать путями доброты – очень и очень важно. Поверьте мне!